

Игорь Семёнович Качанов, врач третей детской больницы, возвращался домой после напряжённой смены. По тропке, ведущей к небольшому, затерянному в отцветающей зелени дому, он подошёл к низенькой калитке и уже собирался открыть её, когда неожиданно услышал шорох – неподалёку кто-то завозился в траве.

Врач остановился и прислушался. Шумное, хриплое дыхание донеслось до его слуха.

– Кто там?..

Шурша листвой, сияющей под ногами, как тёмное золото, он прошёл несколько метров вдоль забора и увидел лежащего бродягу – всклокоченного, небритого, в давно не стиранной одежде. Голова его нелепо откинулась набок, на щеке засохли пятна грязи. Наклонившись над ним, Игорь Семёнович сразу ощутил характерный запах перегара. Мужчине было около сорока пяти лет, и он был мертвецки пьян.

Однако вместо того чтобы брезгливо отойти, врач пристально вгляделся в валяющуюся на земле фигуру. Присев на корточки, он расстегнул пуговицы на задранной рубашке, мягко ощупал живот, грудь, сжал запястье, улавливая пульс... Потом выпрямился и постоял, о чём-то сосредоточенно раздумывая. Огляделся по сторонам.

Вокруг было безмолвно и пусто, улица в этот сумеречный час казалась вымершей. Решительно ухватив нежданного гостя за подмышки, Игорь Семёнович затащил его в сад и тихо прикрыл за собой калитку. Отдышавшись, взвалил храпящую ношу на плечо, занёс на террасу и аккуратно опустил на кушетку. Там ещё раз внимательно осмотрел, ощупал уверенными опытными руками. Да, подойдёт. В этом нет никаких сомнений.

Достав из кармана сотовый, Качанов набрал номер жены – медсестры того же отделения, где трудился сам. Сегодня она осталась на ночное дежурство.

– Тоня, ты сейчас одна? С тобой рядом никого? – спросил он взволнованно. – Мне нужно сказать что-то важное.

– Никого, – отозвался женский голос. – Но могут войти. Если ты о...

Игорь Семёнович понизил интонацию.

– Да. Об этом. Как стемнеет, привези сюда одного пациента... – он прикрыл трубку рукой, хотя кроме бродяги, лежащего на кушетке, поблизости никого не было. – Мальчик из седьмой палаты, вчера поступил. Виталик, кажется.

– Колотков? – так же негромко уточнила Тоня.

– Точно, Колотков. Шесть лет, диагноз...

– Да-да, я помню. Появился донор для пересадки? – последнюю фразу Антонина произнесла шёпотом.

Игорь Семёнович бросил профессиональный взгляд на мужчину, храпящего с открытым ртом.

– Похоже, да. Не задерживайся и соблюдай осторожность.

– Скоро буду, – коротко ответила жена.

В тот же день и час на другом конце города, на лавочке в заросшем ивами уголке городского сада сидели два неприметных человека. Один был худой, но жилистый, в кепке, майке и серых широких штанах с глубокими карманами. Закинув ногу на ногу, он с аппетитом поглощал жёлтый медовый банан.

– Пора подвести итоги месяца, Иезеум, – начал разговор второй, высокий, плотный, одетый в тёмный костюм, с бутылкой пепси в руке.

Щуплый Иезеум облизнул губы и не спеша очистил от кожуры ароматный фрукт.

– Ну что, Донован, – начал он, откусив очередной кусочек, – я потру-дился неплохо.

– А кто у тебя, художник?

– Художник, – кивнул Иезеум. – Я давно не встречал таких, очень редкий талант! Надеюсь, моё усердие Хозяин оплатит дорого... И вот что закономерно: бездарные мазилы себя гениями мнят, а этот – нет, скромный, какой-то безропотный, хотя обставит этих «гениев» на сто очков... Про таких говорят «не от мира сего». Его пока нигде не признали. Но близился тот час, когда вынуждены были бы признать. Я вмешался очень вовремя! – он ухмыльнулся. – Теперь благодаря моим стараниям он будет творить всё реже и реже, всё меньше и меньше...

– Конкретно, – потребовал Донован.

– В понедельник на рынке я прикинулся настоящим красавцем – высоким, косая сажень в плечах – ну бабы это любят...

– Короче, – Донован не любил лирических отступлений. Он сузил и без того небольшие глазки и впился ими в собеседника. Заломив кепку за ухо, тот продолжил:

– Короче, подцепил в рыбном ряду его жену, помог донести сумки, начал выпытывать, осторожно, ласково, мешая в равных пропорциях негодование и сочувствие. Как, мол, такой красавице муж разрешает таскать тяжести... Вон какие женщины, не ей чета, а все с машинами да с заботливыми мужьями, да и с детками... Она сначала не поддавалась на провокации: не поддакивала, не жаловалась – в общем, стойко держалась! Открылась уже, когда я оттоптал все больные мозоли. Она нервная – с непризнанными гениями жить непросто! Глаза постоянно на мокром месте...

– Соблазнил в этот же день?

– Да, а чего тянуть-то? Поначалу она всё рвалась к своему художнику, слегка всплакнула... Но было промозгло, мы зашли в полупустое кафе, выпили вина. Когда она отлучилась в дамскую комнату, я добавил в её бокал немного порошка №1. Конечно, не очень чистая победа... Но главное, что в итоге она оказалась в номере «Легенды» со мной...

– Так.

– Тем временем я подослал к художнику одну «хорошую женщину» – из тех доброжелателей, с которыми и врагов не надо. Она ему всё рассказала, где и с кем видела – он помчался в гостиницу и застукал нас.

– Чудесно! – улыбнулся Донован.

– Ну а дальше вообще проще пареной репы... – заявил Иезеум хвастливо. – В тот же вечер возле подъезда я подсунил ему старого друга, которого он не видел лет десять, а за углом за неделю до этого открыл новый бар. Они, стало быть, посидели, выпили... Назавтра договорились встретиться ещё. Утром в магазине я подложил ему в корзинку буклет со скидками на алкоголь, а позже закинул в почтовый ящик газету о пользе коньяка,

сухого вина и натуральных бальзамов на спирту. Процесс долгий, но конец один – подохнет где-нибудь под забором...

– Кто ещё?

– Подающий надежды юный фигурист, паренёк двенадцати лет. Лёгкий, порывистый – иногда кажется, будто за спиной у него крылья... Гибкий, как змея, и вертлявый, как вьюн! Не мудрствуя лукаво, я устроил в ту же секцию сына спонсора спортивной школы. И по логике вещей, побеждать должен именно он. Парню это уже доходчиво объяснили серьёзные люди, и скоро он не выдержит и уйдёт из секции. А другой в городе нет.

Донован хохотнул, а Иезеум продолжил:

– На городском состязании у меня руки чесались подставить мальчишке невидимую подножку, чтобы он шлёпнулся на ровном месте! Но уж больно он был прекрасен, и я захотел досмотреть до конца. Однако придумал кое-что получше: наш мальчуган откатал просто гениально, а победил-таки сын спонсора. Он, кстати, довольно крепкий середнячок, но увы, талантом там и не пахнет...

Без меня не видать бы ему победы! А я расстарался вовсю. Накануне конкурсных выступлений одного неподкупного судью уложил с гриппом, а вместо него посадил продажного, у того-то здоровье железное! Его баллов вполне хватило, и в итоге бесталанного сынка отобрали на областные соревнования. А наш пацан был просто раздавлен, мне даже жаль его стало...

При этих словах Донован недобро зыркнул на Иезеума, и тот сразу поправился:

– Ну буквально на секундочку, не больше... В тяжёлый момент я послал поддержку в лице соседа-хулигана, он всего на два года старше, но уже прошёл огни и воды. Новый приятель успокоил бедолагу-фигуриста, посоветовал выкинуть коньки в мусорный контейнер и предложил выпить пива. Пива пацан с горя выпил, а коньки пока не выкинул. Но к тому уже идёт, он их выкинет если не через полтора месяца, так через два. До этого я должен устроить дома у мальчишки крупный скандал родителей, чтобы им стало не до него, а в секции создать ещё более невыносимую обстановку. На днях дружок за душевным разговором снова предложит пареньку пивка, а то и чего-нибудь покрепче. Ситуацию в будущем просматриваю как благоприятную.

– Превосходно! – Донован похлопал в ладоши. – А у меня одинокая женщина, писательница. Строчит и строчит свои романы, как из пулемёта, фантазия просто неуёмная, наделил же Бог... Уже начала печататься, а лет через десять – я немного заглянул в будущее – должна была стать – как это?.. – он наморщил лоб, – а-а, вот: живым классиком!

Донован жутковато улыбнулся. Даже Иезеум, давно привыкший к этой страшной смертоносной улыбке, невольно вздрогнул. Чтобы скрыть своё нечаянное судорожное движение, он быстро отвернулся и отвлекающим картинным жестом закинул шкурку от банана в урну на другом конце скамейки.

– ...Но этого не произойдёт. Я распаковал для неё полный пакет «Женский»: болезнь матери, увольнение с работы, ссору с единственной подругой. Потом вечерний город, дождь, одиночество. И на контрасте подослал одного подонка к памятнику, где она остановилась покурить и поплакать, есть у меня один на примете – выглядит прилично, говорит красиво, сразу и не понять, что мразь редкая. Вселю в её сердце любовь к нему, потом отниму его руками квартиру – и сопьётся как миленькая, никуда не денется. Так и вижу, что её ждёт через три года – холодный

чердак в девятиэтажке по улице Гончарова, случайные собутыльники... Ещё через год, зимой – пневмония, койка в коридоре первой городской и место на самой окраине Свиридовского кладбища.

Рассказчик перевёл дух. Иезеум, вернув кепку в первоначальное положение, одобрительно кивнул.

– И ещё один объект – студент-гений, классический «ботаник». По уши в науке, и кроме неё для парня ничего не существует. Он буквально стоял на пороге открытия века в микробиологии; правда, не до конца понимал это. И чёрт его дёрнул (ну собственно, это и был я) поделиться идеей с честолюбивым профессором, который сей факт прекрасно осознавал... Он даже затрясся при виде формул и расчётов!

Взял студента под крыло, стал направлять, подсказывать, а со временем присвоил идею себе. Доказать авторство и восстановить, так сказать, справедливость невозможно – где тощий заикающийся первокурсник в очках, а где солидное, умудрённое опытом и наделённое должностью светило науки! Парень слабохарактерный, ранимый, даже доказывать ничего не стал, просто замкнулся, ушёл в себя, институт бросил... А ведь мог бы через несколько лет изобрести лекарство от смертельной болезни!

Иезеум ахнул, а Донован самодовольно поднял бровь.

– Живёт он с отцом-алкоголиком, они уже с горя выпили раз-другой по чарочке. Организм слабый, генетика опять же, так что здесь моя миссия окончена, папаша доведёт дело до конца.

– Ну что ж, отличная работа, – не слишком весело подытожил Иезеум. – Родители гордились бы нами – держим марку потомственных бесов-искусителей в человеческом обличье!

Он сделал паузу, словно собираясь с духом, и наконец деланно небрежно произнёс:

– Да, всё забываю спросить... Ты так и не видел Терио с тех пор, как Хозяин изгнал его из школы?

– Нет... Ни разу за двадцать лет. А ты?

– И я – с тех пор никогда. Станным он был, наш непутёвый младший братец. Тянулся к добру, такому неблагоприятному понятию... Служил плохо, психологию искушений не учил, итог закономерен – зачем он нашему Хозяину?

Будто стеснясь собственных слов, Иезеум неловко прибавил:

– А знаешь, Терио прав, что переметнулся... Ведь если честно признаться, мы с тобой обычные, а у него был этот, как его называют... дар Господень!

– Какой ещё дар Господень... – недовольно возразил Донован, впрочем, не слишком уверенно. – Нашим он не полагается! Хотя я тоже замечал за ним кое-что эдакое... – нехотя добавил он после паузы.

Донован скривил и без того угрюмое лицо и пренебрежительно продолжил:

– Так уж и Господень... Этого не может быть. Ну если и был – незнамо уж откуда, – то так себе... Слабенький. Ничего особенного.

Они помолчали.

Наконец, Иезеум вздохнул.

– Пора, брат!

– Пора, – согласился Донован, взглянув на часы.

Коротким отточенным движением он зашвырнул в урну пустую бутылку. Ударившись о глубокое дно, она разлетелась, как граната. Горло

её подпрыгнуло, отскочило в другой угол, и по зелёному стеклу поползла тёмная струйка пепси-колы, похожая на кровь. Со зловещим шипением бутылка наконец упокоилась на дне урны, а братья разошлись в разные стороны: Иезеум вразвалочку, засунув руки в глубокие карманы штанов и посвистывая, а Донован – высоко задрал голову, шагая прямо и солидно, с каменным выражением лица.

Сидя на краю кушетки в нетерпеливом ожидании, Игорь Семёнович напряжённо прислушивался к тишине снаружи. Наконец в глубине сада раздались тихие шаги.

– Тоня! – окликнул он чуть слышно, приоткрыв дверь дома и выпустив из комнаты бледный луч света.

Вошла Тоня, жена и медсестра в одном лице, длинная, некрасивая, конопатая.

– Привезла мальчишку? – спросил он, не глядя ей в глаза. Взгляд скользнул куда-то чуть выше левой груди.

– Мальчик в машине, – сообщила жена слегка запыхавшимся голосом. – Спит. Я вколола ему снотворное, как обычно.

– Никто вас не видел?

– Нет.

– Умница.

Врач прошёл к машине и вынес оттуда спящего маленького мальчика с перевязанной стопой.

Жена поднялась на террасу, бросила взгляд на кушетку – донора на ней уже не было. За столько лет подобной практики ей ни разу не довелось увидеть ни одного из них, – ни до, ни после тайных операций, которые время от времени проводил её муж. Он не посвящал её в подробности загадочного действия. Когда Игорь Семёнович уверенно направился в дальнюю комнату, Тоня смотрела ему вслед почти не дыша...

Едва дверь за ним закрылась, она ушла на кухню и сидела там, подперев щеку конопатой ладонью и глядя на шелестящий за окном сад, мысленно представляя эту комнату, обустроенную под операционную. Вот он укладывает маленького пациента, вот плотно задёргивает оконные шторы, вот сосредоточенно моет руки... А рядом, на соседней кушетке, лежит ещё один человек...

Тоня была преданной женой, покорной, любящей, никогда не перечила мужу и ни о чём не спрашивала, только помогала, если тому требовалась помощь. Она не представляла, что происходит там, за дверью. Просто верила, что всё во благо – верила без расспросов и сомнений, сердцем, как безгранично и слепо доверяют врачу и любимому в одном лице. И каждый раз была твёрдо убеждена, что после пересадки все останутся живы и всё будет хорошо, даже лучше, чем прежде.

Она сидела неподвижно, и лишь рука под щекой слегка подрагивала, выдавая то ли волнение, то ли боязнь, как пройдёт всё на этот раз.

Через два часа Игорь Семёнович вынес ребенка из операционной. Мальчик по-прежнему сладко спал.

– Можно вернуть. Скоро он придёт в себя.

Каждый понимал, что пересадка прошла успешно, и они улыбнулись друг другу, он – сдержанно, она – облегчённо.

– Устал... Ужинать будешь? – спросила жена с нежностью.

– Нет, позже, всё позже. Отвези пациента и возвращайся скорее! Я займусь донором.

Внезапно черты его смягчились, и он ласково чмокнул её в щёку. Она ответила ему взглядом, полным любви.

Через несколько минут во дворе затарахтел мотор и послышался звук отъезжающей машины.

Игорь Семёнович подошёл к окну и стал смотреть, как дождь шевелит листву на асфальте, как путается ветер в тёмных деревьях. Вспомнил, как из этой увядающей природы сегодня вышла его удивительная жена – его Тоня. Какая она красивая!.. Он видел её красивой. Он смотрел на неё не так, как смотрят люди – не на лицо, а внутрь сердца – и наискосок, вверх и влево, туда, где пряталась душа. А она была у неё редкой, можно сказать, исключительной – просторной, как сад, и излучающей почти видимый ясный свет.

Вот и ещё одна операция проведена. Каждый раз так больно, словно он не обладающий силой Терио, а и впрямь обычный человек, детский травматолог Игорь Качанов. Он посмотрел на лежащего на кушетке алкоголика. Жаль беднягу! Терио чувствовал в его сломанной судьбе присутствие своих братьев – как и учили в «Школе психологии искушений», они выбирали для своих чёрных дел самых лучших, самых одарённых! Подстраивали ситуации, ловушки и капканы, не давая Божьему дару проявиться, и слабый человек попадался в них и ломался...

Вот и этот – лицо опухшее, взгляд отсутствующий, еле ворочает языком... Но его талант! Почти умирающий, талант пульсировал, трепетал под руками, когда Терио водил ими над грудью пациента. Столько лет, никому не нужный, он сидел в этом теле, как в тюрьме! Сейчас он был всё тот же – невероятный талант музыканта, но измученный долгой болезнью, слабеющий с каждым днём, чуть живой.

Талант, данный Богом.

Он до последнего цеплялся за хозяина, за тело, в которое поместил его Господь, дышал надеждой, спасался воспоминаниями... А они отдалялись, становились всё более прозрачными и отрывочными: длинные гибкие пальцы, касающиеся клавиш, тонкий слух, музыкальное чутьё, чувствительная душа... Теперь от всего этого осталось нечто пьяное, грязное, неразумное...

Божественный дар давно ушёл из трясущихся пальцев, из мутной головы. Он оставался только в сердце, сжавшись и забившись в дальний угол, откуда Терио еле-еле его вытащил. Извлечь его было труднее, чем глубоко сидящую пулю.

Терио закрыл глаза и вновь представил шестилетнего мальчика Виталика, который поступил вчера в отделение травматологии с вывихом пальца ноги – налетел с разбегу на торчащую из земли трубу. Через пятнадцать лет он станет очень известным пианистом. Пересаженный талант должен хорошо прижиться. Он раскроется, расцветёт в теле, где ему будут предоставлены все условия для развития. Только бы бесы-искусители не встретились на пути мальчика... Много их бродит по свету, высматривая узкими цепкими глазками, вылавливая из глубины человеческих душ истинный дар Господень, а потом медленно, день за днём, убивая его.

Алкоголик на кушетке шевельнулся, приподнял голову, оглядел комнату бессмысленным взглядом.

Терио подошёл к нему, засучил рукава.

– Тебя мне не спасти, дружище... Ты принадлежишь алкоголю, и он – твой бог. Попробую только немного восстановить физические силы... Извини, друг... Всё, что умею.

Уже рассветало, когда Терио закончил. Он встряхнул руками, вытер пот с лица. Организм несчастного очищен, здоровье и силы частично восстановлены. Но полностью избавиться от зла, которое пропитало всё существо мужчины, бес, перешедший на сторону добра, не мог – не хватало мощи. Донован в своей жестокой прямолинейности оказался прав – дар Господень, по какой-то случайности или ошибке данный Терио, по меркам потустороннего могущества был не таким уж сильным... Так себе.

Донор приподнялся на кушетке, взгляд его прояснился. Пациент явно чувствовал себя гораздо лучше.

– Спасибо, спасибо, доктор!.. Благодарю вас! – забормотал он с признательностью.

Трясущейся рукой алкоголик полез было в карман, но врач остановил его.

– Не стоит благодарности... Всего доброго!

Когда садовая калитка захлопнулась за донором, Терио с горечью добавил:

– Прости...

И выражение боли на миг промелькнуло на его лице.

Бродяга не услышал последнего слова. Немного пошатываясь, он медленно побрёл по мокрой листве. Чего-то недоставало в его сердце, но он так и не понял, чего. Непривычно пусто было в левой стороне груди, но зато ничего не болело больше, не сжималось и не жгло изнутри.

Он остановился на мгновение, неясно ощутив, что что-то очень важное, что-то родное, кровное безвозвратно ушло... Потом недоумённо пожал плечами, и чувство невосполнимой потери исчезло без следа, уступив место обычному незатейливому ходу мыслей. Алкоголик потряс давно не мытой головой, сунул руку в карман, вынул несколько мятых бумажек, внимательно пересчитал... Пожалуй, хватит! Только бы было открыто...

Озабоченно взглянув на часы, человек, навсегда утративший бесценный божественный дар, облегчённо вздохнул, решительным шагом прошёл через жёлтую кленовую аллею и завернул к ближайшей рюмочной.

12.09.2019